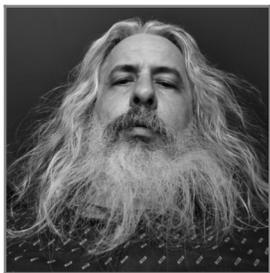

СУЩЕСТВОВАНИЕ, АБСТРАКЦИИ И РЕФЕРЕНЦИЯ

Черняк Алексей

Зиновьевич – кандидат философских наук, доцент. Российский Университет Дружбы Народов. Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: abishot2100@yandex.ru

Статья посвящена известному спору между Р. Карнапом и У.В.О. Куайном о значении высказываний с именами абстракций, в котором также проявились их разногласия по более общему вопросу о характере зависимости онтологии от выбора языка познания. Согласно Куайну выбор языка несет в себе определенные онтологические обязательства – суждения о существовании, которые должны быть истинными для любого, кто соответствующим образом использует соответствующий язык. Язык абстракций (использующий соответствующие имена и указания) широко применяется не только в философии и повседневной коммуникации, но и в науках, включая естественные. Имена абстракций (или альтернативно – квантификацию по соответствующим сущностям) полностью исключить из науки невозможно, на что указывает, в частности, Карнап. Также он считает неправильным приписывать ученому с эмпиристскими взглядами убеждение в существовании того, что он как эмпирист не готов считать существующим. В его представлении выбор языка (каркаса) не несет в себе никаких онтологических обязательств: он определяет, что должно быть правильным ответом на так называемые внутренние вопросы теории, но не затрагивает метафизические вопросы. Карнап трактует осмысленные утверждения, говорящие об абстракциях, как аналитические истины, Куайн же считает, что большая часть упоминаний абстракций устранима из языка науки, а та, что неустранима, создает дополнительные онтологические обязательства, которые, однако, почему-то ничего не говорят о самой реальности. Но почему это так, если имплицитная их теория претендует на описание реальности, не понятно. Этот спор о роли суждений об абстракциях в научном познании породил целое направление метафизических и онтологических исследований, более всего известное как метаонтология. Основными сторонами в этом споре являются реалисты, трактующие неустранимые абстракции частью реальности и денотатами некоторых имен, и антиреалисты, как правило отрицающие связь высказываний с такими именами с реальностью, трактующие их как псевдоутверждения или что-то подобное. Решение проблемы, которое предлагается в этой статье, состоит в отказе от распространенного как в философии, так и в обыденном сознании убеждения, которое можно обобщенно назвать теорией референции и которое состоит в том, что вкладом имен и некоторых других видов выражений в коммуникацию являются их денотаты, представляющие собой сущности того или иного вида, с которыми они каким-то образом связаны более или менее устойчивыми отношениями. Если исходить из того, что имена вообще не имеют денотатов и их семантическим вкладом в высказывания являются исключительно смыслы или что-то подобное, то имена абстракций в этом отношении ничем не будут отличаться от любых других; не надо в таком случае ни допускать что они обозначают какие-то «платоновские» иные сущности, чтобы какие-то утверждения с ними могли быть истинными, ни трактовать эти суждения как псевдосуждения или как истины какого-то особого рода, не имеющие отношения к реальности.

Интерпретация высказываний с такими именами и их оценка не будут представлять для эмпириста при таком подходе какой-то специальной проблемы.

Ключевые слова: абстракция, эмпиризм, онтологическое обязательство, значение, референция, метафизика, истинность

EXISTENCE, ABSTRACTION AND REFERENCE

Alexei Z. Chernyak –
PhD in Philosophy, Associate
Professor.
Peoples' Friendship University
of Russia.
6 Miklukho-Maklaya St.,
117198 Moscow,
Russian Federation;
e-mail: abishot2100@yandex.ru

The article is devoted to the well-known dispute between R. Carnap and W.V.O. Quine on the meaning of statements with names of abstractions, which also revealed their disagreements on the more general question of the nature of the dependence of ontology on the choice of language of knowledge. According to Quine, the choice of language carries with it certain ontological commitments – judgments of existence that must be true for anyone who appropriately uses the language in question. The language of abstractions (using appropriate names and indications) is widely used not only in philosophy and everyday communication, but also in the sciences, including natural sciences. The names of abstractions (or, alternatively, quantification by corresponding entities) cannot be completely excluded from science, as Carnap, in particular, points out. He also considers it wrong to attribute to a scientist with empiricist views the belief in the existence of something that he, as an empiricist, is not ready to consider existing. In his view, the choice of language (framework) does not carry any ontological obligations: it determines what should be the correct answer to the so-called internal questions of the theory but does not affect metaphysical questions. Carnap interprets meaningful statements about abstractions as analytical truths, while Quine believes that most references to abstractions are removable from the language of science, and those that are not removable create additional ontological obligations, which, however, for some reason say nothing about reality itself. But why this is so, if the theory implicating them claims to describe reality, is not clear. This debate about the role of judgments about abstractions in scientific knowledge gave rise to a whole branch of metaphysical and ontological research, best known as metaontology. The main parties in this dispute are realists, who interpret irreducible abstractions as part of reality and denotations of certain names, and anti-realists, who, as a rule, deny the connection of statements with such names with reality, treating them as pseudo-statements or something similar. The solution to the problem, which is proposed in this article, consists in abandoning the belief, widespread both in philosophy and in everyday thought, which can be generally called “The theory of reference” and which consists in the fact that the contribution of names and certain other types of expressions to communication is their denotations. If we assume that names have no denotations at all and their semantic contribution to statements is only their senses or something similar, then the names of abstractions in this respect will be no different from other types of names. In this case, it would be no need to either assume that they designate some “Platonic” entities in order for some statements with them being

true, nor interpret these judgments as pseudo-statements or as truths of some special kind that are not related to reality. The interpretation of statements with such names and their evaluation will not pose any special problem for the empiricist with this approach.

Keywords: abstraction, empiricism, ontological commitment, metaphysics, truth, meaning, reference

Эмпиризм и спор об абстракциях

Логические позитивисты времен Венского кружка делили онтологические вопросы¹ на два типа: те, ответы на которые можно получить в ходе научного исследования, и те, на которые наука не может дать ответ; последние они считали псевдопроблемами². Тем не менее как эмпиристы они склонялись к вполне определенной метафизике, предполагающей, что существование непосредственно связано с обладанием физическими свойствами и/или данностью в опыте. В этом отношении их взгляды были близки к тому, что часто еще называют схоластическим термином «номинализм». Для номиналиста существуют только конкретные единичные объекты, события и т.п., а имена общих сущностей – свойств, форм, функций, видов, классов, пропозиций и т.п. – толкуются им обычно как пустые, т.е. не имеющие денотатов. Соответственно, большой проблемой для логических позитивистов является математика и другие отрасли знания, использующие в качестве базовых терминов имена абстракций – чисел, множеств, видов, свойств и т.п. Абстракции, по общему убеждению, не существуют в предпочтительном для эмпириста смысле³, но отсылки

¹ Не все философы относят все перечисленные вопросы к одной группе; также и термин «онтологический» не все толкуют одинаково. У.В.О. Куайн относил к онтологическим все вопросы, касающиеся существования, включая такие, ответом на которые может быть утверждение «*x* существует» или «*x* не существует» [Куайн, 1999]. М. Хайдеггер между тем называл такие вопросы онтически, а к онтологическим относил более общие вопросы о сущности или природе бытия как такового. В современной аналитической философии эти вопросы, наряду с вопросом о выборе наиболее адекватной онтологии, иногда называют метаонтологическими (см., например [Van Inwagen, 1998]). Но я бы не хотел углубляться в терминологические вопросы.

² Этот подход отражен, в частности, в [Carnap, 1928; Schlick, 1932].

³ По каким именно параметрам абстракции отличаются от всего остального – тоже вопрос дискуссионный. Для одних определяющим признаком абстрактности является отсутствие пространственных координат (см. [Zalta, online]). Для других – это невозможность вступать в каузальные взаимодействия с реальными объектами [Priest, 2005]. Различие вроде бы небольшое, но при одном определении абстракции не могут существовать в предполагаемом эмпиристами смысле существования, а при втором – могут, но при этом не могут выполнять те же

к ним неустранимы даже из физики⁴. Это создает проблему для эмпириста: как трактовать содержащие такие имена предложения и высказывания?

Может быть, следует допустить существование некоторых абстракций? А может – возможность буквально утверждать что-то о несуществующем? Оба эти предложения как минимум плохо совместимы с эмпиризмом. Можно приписывать таким высказываниям эпистемическую роль, отличную от буквальных утверждений о фактах, принимая, что используемые в них имена абстракций пустые. Так, например, математические аксиомы можно считать априорными суждениями и относить к классу аналитических, т.е. таких, истинность которых зависит только от значений составляющих их терминов, но не от фактов⁵. Но многие суждения с именами абстракций выглядят скорее как апостериорные, чем как априорные. Особую трудность в этой связи представляют суждения о существовании чего-то абстрактного. Какова их эпистемическая функция, говорят ли они что-то о реальности, могут ли они быть буквально истинными или ложными? В конце сороковых – начале пятидесятих годов XX в. два крупнейших представителя логического эмпиризма – Р. Карнап и У.В.О. Куайн – попытались внести ясность в эти вопросы.

У.В.О. Куайн отверг различие между аналитическими и синтетическими суждениями как нечеткое (насколько убедительно он это показал – вопрос дискуссионный)⁶ и предложил трактовать онтологические вопросы как вопросы об онтологических обязательствах, возникающих вследствие использования того или иного языка (системы понятий и правил): независимо от того, существует что-то на самом деле и можно ли ответить на этот вопрос, ученый или философ может выяснять, что он *должен* считать существующим, говоря определенным образом о вещах. Естественно, онтологические

роли, какие выполняют обычные физические сущности – быть физическими причинами и следствиями. Но практически при любом определении сущности абстракции математические и логические объекты попадают в этот класс.

⁴ См., в этой связи [Карнап, 1950, р. 208–209]. Признавал неустранимость чисел (или, по крайней мере, каких-то Платоновских сущностей) и Куайн, в целом куда более критически настроенный к использованию имен абстракций в науках, чем Карнап.

⁵ Как это делает, например, А. Айер [Ayer, 1936, р. 16]. Конечно, оба эти условия предполагают определенные прочтения использованных в них семантических и эпистемических терминов: если под значением выражения понимается его денотат, то «зависеть от такого значения» может значить в том числе – зависеть от каких-то элементов реальности; также точно, если «не зависеть от фактов» читать как не только не быть ими верифицируемым или фальсифицируемым, но и не вызываться ими каузально, может не найтись ничего, что могло бы этому условию удовлетворять.

⁶ См., например, известное возражение в [Грайс, Стросон, 2012].

обязательства возникают, только когда определенные имена используются для утверждения фактов, а не для высказывания гипотез, пожеланий, выражения эмоций и т.п. Обязательство такого рода возникает, если указание на определенный предмет или класс неустраимо из языка описания реальности – соответствующие предложения невозможно перефразировать, исключив соответствующие имена или иные средства указания, с сохранением их (основного) содержания. В этих случаях, считает Куайн, субъект должен принять утверждение формы « $\exists xFx$ », говорящее, что есть хотя бы один объект, удовлетворяющий предикату F^7 . Но поскольку указания на некоторые абстракции – например, числа, – как признает сам Куайн, из науки неустраимы, из этого следует, что какие-то абстракции должны быть частью онтологических обязательств современной науки⁸.

С этим выводом не согласен Р. Карнап, отмечающий, что эмпирист не обязан считаться платоником только потому, что он не может обойтись без ссылок на какие-то абстрактные сущности (без использования соответствующего словаря). В статье «Эмпиризм, семантика и онтология» он пытается объяснить, почему использование языка абстракций (не только математических) совместимо с эмпиризмом и не создает (само по себе) онтологических обязательств, которые превращали бы эмпириста в платоника [Carnap, 1950, p. 210]. В этой связи он вводит различие между внутренними и внешними вопросами теории, естественным образом перекликающееся с уже упомянутым различием между осмысленными вопросами и псевдопроблемами. Внешне эти вопросы могут выглядеть одинаково, но они имеют, по его мнению, принципиально разные импликации. Внутренние вопросы имеют значения только относительно определенного выбора языка теории – словаря и правил его использования (в том числе отвечающих за приписывание значений, оценку суждений и т.п.) – «каркаса» в терминологии Карнапа [Ibid.]. Ответы на такие вопросы – например, существует ли такой-то объект или обладает он таки-

⁷ См. [Куайн, 1999]. Это соответствует так называемому неограниченному экзистенциальному прочтению квантора существования; при других прочтениях данная формула может читаться иначе.

⁸ Позднее Куайн ввел понятие перцептивной идеологии, охватывающее все в окружении субъекта, на что он систематически реагирует специфическим образом. Такие вещи можно считать существующими для него, и это, в частности, позволяет объяснить, почему человек, выделяющий в своем окружении определенную кошку, не обязан верить в существование кошек вообще, а физик, выделяющий пары предметов, не обязан верить в существование числа два (см. [Quine, 1983, p. 501]). Но Куайн признает, что физические объекты и рациональные числа являются онтологическими обязательствами современной науки, а значит это – то, во что честный ученый должен верить. Однако вопрос о существовании таких сущностей не может быть решен на основании изучения индивидуальных или коллективных диспозиций, конституирующих перцептивные идеологии.

ми-то свойствами – можно получить, следуя правилам выбранного языка. Если вопрос относится к чему-то абстрактному, ответ не может быть получен из опыта, но может быть результатом логического анализа: по Карнапу, такие суждения являются аналитическими [Карнап, 1950, р. 208–209]. Внешние вопросы, в свою очередь, не связаны никаким каркасом: поэтому нет четких правил поиска и удостоверения ответов на них. Карнап считает их лишенными теоретического содержания (и даже когнитивного, как он пишет в одном месте) псевдovoпросами. Вопрос: «Существуют ли сущности такого-то вида?», понятый как внутренний вопрос теории, имеет по его мнению тривиальный ответ – «да», если указания на них являются неотъемлемой частью истинных утверждений, делаемых на выбранном языке, и «нет» – в противном случае; но как внешний вопрос, задаваемый философом, он касается обоснования или применимости для описания реальности данного каркаса или языка в целом. Дать на него определенный ответ можно только на чисто практических основаниях – исходя из соображений удобства, простоты, объяснительной силы, логической когерентности или т.п. [Ibid., р. 208]. К таким вопросам он относит и общие онтологические вопросы, традиционно вызывающие философские разногласия.

Карнап настаивает на том, что принятие определенного языка описания реальности не делает субъекта обязанным верить в существование сущностей, являющихся денотатами имен этого языка или входящих в объемы связанных в нем квантором существования переменных [Ibid.]⁹. И в самом деле, хотя у нас нет четкой теории условной убежденности в существовании какого-либо *x*, человек, активно использующий язык чисел, может, по крайней мере, не согласиться, что тем самым он верит в существование чисел самих по себе. С другой стороны, если утверждение «Рациональные числа существуют», например, для него истинно и Куайн прав в том, что четкого разграничения между аналитическими и синтетическими суждениями нет, то для него рациональные числа должны быть составляющими реальности, независимо от того, во что он эксплицитно верит¹⁰.

⁹ Конкретно в этом отрывке он говорит о мире вещей и формулирует мысль немного иначе, но общий смысл, мне кажется, я передал верно.

¹⁰ В чем именно состоит разногласие между Куайаном и Карнапом по разбираемому вопросу – тоже вопрос дискуссионный. Так, если корректно приписывать Куайну мысль, что две теории с одинаковым эмпирическим содержанием, но разными онтологиями говорят о мире одно и то же, как некоторые делают [Soams, 2007], то, возможно, суть разногласия не в том, что для одного имени абстракций – лишь удобные способы говорить о мире, а для другого – знаки того, что должно существовать в этом мире, если соответствующие высказывания истинны, – а в том, что для одного существовать – значит быть онтологическим обязательством определенного языка, и абстракции существуют в этом специфическом смысле, а для другого это – значит быть частью объективной реальности,

Спор Куайна с Карнапом о существовании абстракций и связи языка науки с реальностью возродил интерес к онтологической и метафизической проблематике в аналитической философии и послужил толчком для новых дискуссий¹¹. Главные позиции в ней принято называть реализмом и антиреализмом. Антиреалисты не признают существование абстракций и стараются по возможности устранять их имена из языка науки, трактуя их как скрытые дескрипции (в духе теории дескрипций Рассела) и, соответственно, как предикаты. Так, Г. Райл утверждает, что такое понимание имен абстракций как подлинных имен базируется на ошибочной аналогии: раз имена собственные обозначают конкретные единичные вещи, индивидов, события и т.п., то и другим именам должно соответствовать что-то, что они обозначают [Ryle, 1949]¹². Реалисты, в свою очередь, трактуют имена абстракций как подлинные имена, с помощью которых можно представлять факты, и в духе теории объектов А. Майнонга приписывают им в качестве денотатов Платоновские идеальные сущности или какие-то иные объекты, не существующие или сомнительные с точки зрения эмпириста¹³. Ни те, ни другие, однако, не смогли пока дать убедительное объяснение того, как эмпиризм совместим с использованием языка абстракций в науке.

Особняком стоит решение Х. Патнема, который, будучи скорее реалистом, чем антиреалистом, тем не менее, полагает, что суждения логики, математики, этики и т.п. могут быть буквально истинными,

и в этом смысле абстракции не существуют и использование их имен ничего об их существовании не говорит.

¹¹ С решением Куайна, например, не согласны некоторые его последователи: некоторые не согласны, что корректно сводить существование к вхождению в объем связанных переменных (см. некоторые возражения в [Soames, 2007, p. 32], другие – с куайновской интерпретацией использования квантора существования в языке науки (см. [Putnem, 2004, p. 37; Hirsch, 2002, p. 62f]).

¹² Но некоторые современные последователи Куайна развивают теории, имеющие больше общего с реализмом, чем с классическим антиреализмом Рассела или Куайна. Так, С. Крипке, изначально настроенный строго антиреалистически, в конечном счете приходит к допущению контекстов, в которых имена вымышленных сущностей, которые он тоже относит к абстракциям, не являются скрытыми дескрипциями и при этом имеют денотаты – эти самые вымышленные сущности [Kripke, 1973]. В похожем ключе рассуждает и Н. Салмон [Salmon, 1998, p. 299–300].

¹³ Главными современными последователями Майнонга считаются Т. Парсонс [Parsons, 1980] и Э. Залта [Zalta, 1983]. Оба признают наличие наряду с существующими несуществующих объектов, которые также могут быть денотатами имен. Правда, Парсонс не обсуждает имена абстракций, но здесь это не существенно. В любом случае при таком подходе надо объяснить, как может несуществующее буквально иметь свойства, делать высказывания истинными или ложными описаниями фактов и т.п., и предлагаемые объяснения не рассеивают сомнений.

не будучи ни описаниями каких-то фактов, ни строго аналитическими суждениями. Он относит их к классу концептуальных истин, которые отличаются от аналитических (в обычном смысле) тем, что они не непроверяемы и не всегда (не в любой ситуации) им можно придать определенный смысл. Истинность таких положений не требует включения в наиболее правдоподобную (с точки зрения науки) модель реальности каких-то абстрактных сущностей [Putnam, 2004, р. 56–61]. Но можно одновременно признавать, что источником истинности может быть не только соответствие реальности (во всяком случае, не обязательно то, которое делает суждение описанием какой-то его части), и не соглашаться с тем, что, используя определенные выражения в роли имен для формулирования научных истин, мы не создаем онтологических обязательств. Числа сами по себе не обязаны существовать, если математика в целом истинна, но это не значит, что мы не обязаны в этом случае вести себя так, как будто они существуют, т.е. принимать соответствующие экзистенциальные утверждения.

Онтология и семантика

Как Куайн и Карнап, так и реалисты и антиреалисты, продолжающие спор об абстракциях в настоящее время, разделяют теорию значений языковых выражений, согласно которой у последних наряду со смыслами, или, иначе, интенционалами, есть денотаты, или, по-другому – экстенционалы. Этот подход можно условно назвать семантикой референций: он предполагает, что наша способность говорить о вещах на каком-то языке обеспечивается наличием у выражений этого языка или актов речи и т.п., в которых они играют существенную роль, особых видов значений – референций, связывающих их с чем-то экстралингвистическим – прежде всего с объектами физической реальности¹⁴. Я считаю эту теорию – необоснованным семантическим допущением, без которого вполне можно обойтись.

Одним из оснований так относиться к данной теории является отсутствие адекватного объяснения того, как референции могут возникать, а главное – сохраняться – во времени, заимствоваться одними

¹⁴ Значением x в самом широком смысле слова можно считать любую информацию или любой предмет, с которым x связан так, что его восприятие имеет эффект сообщения этой информации или переключения внимания на этот предмет. Например, слово «Петя», когда я его слышу, воспринимается мной как минимум: 1) как отдельное слово, 2) как имя русского языка, 3) как указание на какого-то или конкретного индивида. Из этих трех типов значения, однако, семантический интерес обычно имеет лишь последнее. Я говорю здесь о значении в этом более узком (хотя и не самом узком из имеющихся) смысле.

выражениями или индивидами у других, участвовать в коммуникации, обеспечивая понимание сказанного, согласие между участниками разговора и т.п. эффекты. Другим (и, на мой взгляд, более весомым) основанием является то, что если принимается, что понимание сказанного, совпадение интерпретаций, высказывание одного и того же и т.п. должны включать в качестве необходимого компонента идентификацию денотата, его «подстановку» на место имени или значения переменной или что-то подобное, то достижение указанных результатов оказывается практически невозможным (разве что в какой-то сильно идеализованной ситуации)¹⁵. Объяснить нашу способность говорить о чем-то внешнем по отношению к самим высказываниям, включая вещи в мире и т.п., и даже делать истинные утверждения о них, можно между тем и без этого допущения. С другой стороны, отказ от него имеет ряд явных преимуществ, одним из которых является то, что в этом случае отпадает необходимость обосновывать то или иное деление имен на подлинные и неподлинные, не пустые и пустые и т.п., которое обычно проводят на основании какой-то заранее принятой метафизики¹⁶.

Я полагаю, что использование определенных способов говорить о вещах, даже если оно сопровождается принятием убеждений, представляющих какие-то новые сущности существующими, не создает онтологических обязательств, как их трактовал Куайн, просто потому, что языковые выражения, как и их токены (и использующие их речевые акты), не вводят и не обозначают никаких сущностей, если не считать смыслов или своего рода слотов, заполняемых информацией, получаемой из дискурса и контекста. Обязательства, которые таким образом создаются, – прагматического, а не семантического рода: соответствующие «слоты» должны, если следовать логике текущей коммуникации, быть заполнены чем-то подходящим по смыслу в ходе дальнейшей практики. Ученые, использующие язык чисел для формулирования теорий, которые они считают наиболее точными описаниями реальности, доступными на данный момент, могут прийти к разным убеждениям, касательно чисел вообще, если что-то заставляет их задуматься над этим вопросом; но эти убеждения обычно не являются прямыми следствиями принятия той или иной

¹⁵ Подробнее мою критику теории референции см. в [Черняк, 2024]. Естественно, семантику этого типа критикуют и по другим причинам, но чаще всего эта критика не предполагает замену теории референции чем-то другим в качестве основного объяснения природы семантических значений.

¹⁶ Конечно, указанные различия могут иметь и другой смысл – например, пустыми можно считать наборы звуков или букв, используемые как имена, но не связанные в этом использовании каким-то определенным смыслом. Но я здесь имею в виду вполне определенные способы проводить эти различия, вызывающие неутрачивающие философские споры.

теории (если только это – не семантическая теория) или ее определенной интерпретации¹⁷. Если какие-то предложения с именами абстракций трактуются как истинные описания фактов в том числе потому, что есть что-то, с чем эти имена (или кванторные группы, которыми их можно заменить) связаны отношением референции, всегда можно возразить, что, независимо от того, что ученые, говорящие такие вещи, думают о реальности, они фактически предписывают существование каким-то абстракциям. Если же принять, что имена абстракций ничего не обозначают, при том что другие имена имеют денотаты, надо объяснить, почему у высказываний с именами этих разных семантических типов могут быть одинаковые эпистемические значения. Но если отказаться от презумпции референции¹⁸, эта проблема устраняется: если, используя слова, мы вообще не вводим никаких денотатов, не обозначаем никаких сущностей и т.п., то становится понятно, почему использование для описания реальности языка абстракций не предполагает существования абстракций: потому что слова и высказывания вообще ни на что не указывают в привычном семантическом смысле, не несут в себе никакой онтологии.

Что в таком случае сообщают суждения о фактах? Определенную информацию, которую можно, если нужно, использовать для решения каких-то задач, связанных с обращением к реальности, взаимодействием с вещами и т.п. Их обычными коммуникативными значениями, иначе говоря, являются их смыслы. Их люди понимают, понимая сказанное, они трансформируются в индивидуальном сознании в образы реальности, их пытаются передать, подбирая наиболее подходящие слова и т.п.¹⁹

¹⁷ Различие между теорией и ее интерпретацией можно понимать двояким образом: как различие между более общим описанием и его уточнением или – как различие между совокупностью связанных между собой предложений и приписываемым им содержанием. Здесь подходят оба варианта.

¹⁸ Это относится равным образом как к денотатам (носителям или референтам) имен, так и к сущностям, составляющим объемы переменных. Можно при желании практически любое имя в предложении представить как скрытую дескрипцию и перенести нагрузку связи с реальностью (или каким-то иным предметом репрезентации языковыми средствами) на связанную переменную или местоимение (как показывает сам Куайн в той же статье «О том, что есть»). Но суть этого отношения не меняется: так или иначе предполагается, что основным или единственным значением языкового знака (синтаксического, фонетического или перформативного) является что-то в мире (или где-то еще), что он представляет.

¹⁹ Хорошее представление о том, как это происходит и как при этом язык выполняет свою репрезентативную функцию, т.е. позволяет говорить о вещах, а не только о смыслах, дает, например, дискурсивная семантика (см., например [Heim, 1982; Kamp, Reyle, 1993]).

Воспринимая высказывание как описание чего-то и принимая его, можно понять смысл сказанного как относящийся к соответствующему предмету и как своего рода сигнал для поиска чего-то подходящего (отвечающего описанию) в окружающем мире или где-то еще. Результаты таких действий, конечно, тоже можно трактовать как имеющие отношение к пониманию сказанного: например, как наделение его дополнительным значением, связывающим его с каким-то более определенным доменом сущностей; эта трактовка кажется особенно уместной, когда связь сказанного с реальностью устанавливается практически сразу (иногда даже прежде, чем сформировано полное понимание текущего дискурса). Более того, эти результаты иногда приводят к пересмотру изначального понимания сказанного. Тем не менее все это, на мой взгляд, не отменяет того факта, что понять высказывание или речевой акт, а именно: что значат использованные в нем языковые конструкции, что хотел сказать этим говорящий и какая комбинация того и другого предпочтительна с учетом контекста – можно, не соотнося его с какими-либо сущностями (кроме смыслов). Допустим, ко мне подходит мой друг и еще один человек, и друг, указывая на этого человека пальцем, говорит: «Знакомься, это – Петя». Если я трактую это высказывание как акт представления одним человеком другого, я, скорее всего, сразу свяжу «это» и «Петя» в нем с конкретным человеком в поле моего зрения. Тем не менее, даже если бы я стоял с закрытыми глазами и не желал их открывать, я понял бы это высказывание точно так же: что мой друг (голос которого я узнал) представляет мне конкретного человека, называя его именем «Петя». Это понимание не изменилось бы, даже если бы мой друг галлюцинировал и указывал на пустое место, считая, что там стоит Петя, или если бы я увидел на груди у представляемого человека бейдж с именем «Вася». Из-за того, что в силу привычки я быстро реагирую на услышанное в такой ситуации, соотнося некоторые его элементы со своим непосредственным окружением, никакие элементы этого окружения не становятся частью того, что в таком высказывании говорится и что я должен понять (идентифицировать), чтобы данная конкретная коммуникация была успешной. Применив свое первоначальное понимание к окружающей реальности, я могу обнаружить, что между ними есть серьезные несоответствия, и, если мне нужно почему-то их устранить, я могу на этом основании провести ревизию своего первоначального понимания. Но это тоже не значит, что я сделаю какой-то объект или фрагмент реальности частью того, что сказанное значит после ревизии. Я просто выберу альтернативную интерпретацию, лучше совместимую с результатами наблюдений.

Референция, интерпретация и истина

На мой взгляд, высказывания сообщают информацию, которая дает определенное направление или задает границы поиска предметов, лучше всего отвечающих пониманию сказанного (выбранной интерпретации), но она не определяет, к каким конкретно составляющим реальности или иного заранее выбранного предметного поля или домена относится сказанное или какие-то его составляющие. А обнаружение в реальности каких-то коррелятов сказанного не является, на мой взгляд, частью его понимания, интерпретации дискурса и т.п.²⁰: это нужно тогда, когда сказанное, понятое определенным образом, применяется для решения каких-то еще задач (помимо собственно передачи и получения сообщений). Разумеется, странно было бы отрицать способность людей говорить о вещах посредством слов в принципе, но высказывание может быть о каких-то сущностях не только в семантическом смысле: не только за счет того, что что-то в нем имеет какие-то вещи своими денотатами. Высказывание X может быть о предмете x , если, например, делая или понимая X , пользователи определенного языка или члены определенной группы, как правило, выделяют x , производят какие-то действия в отношении x , формируют какие-то убеждения, которые, с их точки зрения, относятся к x , и т.п. Все это не требует того, чтобы X имело в своем составе что-то имеющее x своим носителем или связанное с ним референциально²¹. Эмпирист, говоря о числах, может говорить о них в этом прагматическом смысле, который не предполагает принадлежность чисел к классу денотатов терминов его языка познания.

Связи имен с денотатами в разных теориях трактуются по-разному – иногда как устойчивые во времени отношения, задаваемые семантическими правилами, иногда – как контекстно зависимые, как часть «языковой игры» и т.п. Но в любом случае имя без денотата представляет с этой точки зрения проблему, потому что оно не может

²⁰ Хотя это можно считать частью коммуникации в некоем широком смысле.

²¹ Для рассуждений об отношениях этого рода используется довольно широкая номенклатура терминов: «денотат», «референция», «десигнатор», «приписывающая функция», «экстенционал» – самые распространенные. Так что название «теория референции» – только один вариант из многих; поэтому оно условное. Теории референции как особый вид теорий значения обычно нацелены на объяснение способности выражений некоторых видов обозначать или выделять единичные сущности, или – людей, использующих их определенным образом, указывать на них. Но я применяю его для выделения более общей презумпции существования устойчивых связей между знаками лингвистического, ментального или перформативного типа и какими-то отличными от них сущностями, за счет которых эти знаки могут обозначать эти сущности, выделять их, указывать на них и т.п. в коммуникации или мышлении.

выполнять свою предполагаемую основную функцию – указывать на определенный объект или иную сущность и, таким образом, делать высказывание относящимся к чему-то определенному определенным образом. Отсюда возникает ощущение, что грамматически сходные суждения – например, «Москва существует» (1) и «Бог существует» – имеют разные эпистемические значения в силу их семантических различий. Первое можно удостоверить, потому что в нем речь идет о конкретном объекте, доступном в наблюдении, а второе нельзя, потому что в нем, если речь и идет о чем-то определенном, то явно не о том, что можно наблюдать. Но, хотя мы можем наблюдать (в каком-то смысле, требующем уточнения) конкретный город, мы не можем наблюдать, что сказанное относится именно к нему. Не исключено, что для любого имени можно подобрать какой-то наблюдаемый объект, который оно могло бы обозначать и выбор которого на роль денотата этого имени сделал бы соответствующее высказывание верифицируемым. Но в любом случае если ни в двух приведенных выше высказываниях, ни в «Числа существуют» (2) имена не вводят никаких сущностей, а «существует» может значить одно и то же, то эпистемические различия между этими высказываниями могут быть производны от их семантических свойств только одним способом – за счет существования каких-то правил или конвенций, определяющих, какие предложения или ситуации являются проверочными или удостоверяющими для каких типов высказываний. Такие определения могут быть чисто формальными, но обычно они отражают те или иные метафизические и семантические презумпции. (1) удостоверяемо опытом, например, только если принимается, что 1) оно высказывается о конкретном городе и 2) города являются наблюдаемыми объектами. Выбор определенной интерпретации (1) позволяет сделать его верифицируемым для тех, кто принимает соответствующие «правила игры», но эта верифицируемость не является признаком того, что (1) семантически связано с конкретным городом, в частности – что «Москва» его обозначает²². Это только

²² Здесь можно возразить, что если «Москва» – это имя, то оно, по крайней мере, должно что-то именовать. Я полагаю, что, как уже давно было отмечено, именование и значение – разные виды отношений. «Н» может именовать объект О в том простом смысле, что а) именно к О (или его ближайшим репрезентациям) «Н» стараются применять в определенных обстоятельствах или определенные люди и б) они эксплицитно принимают какие-то предложения формы «“Н” именуется (является именем) х», где х замещает какое-то описание О. «Н» может быть именем в этом смысле, не имея О своим денотатом; а применение людьми «Н» к О может иметь довольно разный смысл – от четкого выделения объекта до простого совпадения интенций, содержания которых позволяют разве что исключить какие-то совсем не похожие на О сущности. Также вполне можно говорить о применении термина для выделения объекта, имея в виду интенциональное наполнение действия, но не обязательно его результат.

показывает, какую эпистемическую роль (1) играет в определенной системе, и, если участники коммуникации хотят, чтобы (1) в конкретном дискурсе соответствовало этой роли, они могут подобрать лучше всего подходящую для этого интерпретацию. Интерпретация, будучи чем-то (сравнительно) определенным, может сделать высказывание совместимым с теми или иными представлениями о мире, но она не может, на мой взгляд, сделать что-то, что, согласно этим представлениям, существует или имеет место, денотатами использованных в высказывании знаков или экстенсионалом высказанного предложения. Мы соотносим высказывание или дискурс (последовательность высказываний) с реальностью или иным доменом сущностей, когда и если нам нужно применить то, как мы его поняли; это не является непосредственной частью коммуникации, хотя бывает, что подобные связи привычно предписываются прямо в процессе коммуникации.

Различие между метафизическим и научным (что бы это ни значило) утверждениями (2) в таком случае состоит не в различии их значений, определяемых их смыслами, или эпистемических функций – и те, и те могут быть одинаковыми, – а различиями в контекстах их применения. В одном случае (2) требуется встроить в какую-то определенную систему знаний с заданными параметрами, а в другом случае задачи четко не определены (что, мне кажется, примерно соответствует интуиции Карнапа), и это не позволяет сформироваться каким-то определенным интерпретативным предпочтениям. Но, на мой взгляд, (2) в метафизике не будет иметь определенного истинностного значения, а в математике будет (возможно) не потому, что в одном случае оно не является утверждением, а в другом является и имеет условия истинности, а потому, что во втором случае относительно ясно, к чему и для чего его применять, а в первом не очень.

Таким образом, я считаю, что спор между Куайном и Карнапом по проблеме абстракций выражает реальное разногласие. На мой взгляд, Карнап прав в том, что выбор языка науки не является выбором онтологии как некой совокупности денотатов или сущностей: говорить о реальности с помощью понятия *a* – не значит вводить в модель реальности какую-то определенную сущность или множество. Математик может не считать суждение, что числа существуют, частью математики (чем-то осмысленным в ней), но то, как математики используют понятие числа, позволяет утверждать, что для них указанное суждение (или аналогичное о какой-то другой абстракции) должно быть истинным. Тогда, если трактовать такое суждение как указание на наличие в реальности чего-то, с чем слово «число» (или «множество», или иное) как имя соответствующего понятия связано каким-то привилегированным образом (что и предполагает отношение референции), оно будет выражать то, что Куайн называет онтологическим обязательством. Но если исходить из того, что

единственным семантическим вкладом языковых выражений в дискурсы являются их смыслы или что-то подобное²³, истинность суждений с именами абстракций для принимающих соответствующие научные теории не будет знаком наличия в реальности чего-то, что можно было бы считать денотатами соответствующих общих имен или сущностями, входящими в их объем, даже если они переводимы в предложения вида « $\exists x(Fx)$ ». Утверждение «Есть четные и нечетные числа» явно делит числа на два вида или класса, но оно не приписывает числам какой-то определенный онтологический статус. Однако даже если из него можно вывести утверждение, что числа существуют, оно не будет приписывать никакого особого свойства каким-либо сущностям (или включать их в определенный домен), так как непосредственно (семантически) оно не вводит никаких сущностей. Из использования определенных слов определенными людьми мы можем получить ответ на онтологический вопрос в том смысле, что мы можем сказать, какая картина реальности должна быть предпочтительна для них или является практическим основанием некоторых их действий. Но они не дают нам онтологии в смысле какой-то определенной совокупности объектов или иных сущностей, которые должны существовать, чтобы соответствующие утверждения были истинными. Истинность и даже верифицированность суждения, в котором имя эксплицитно соединено со словом «существует», не свидетельствуют сами по себе о существовании (в некоем заранее выделенном домене, или некоего предполагаемого типа, или даже в каком-то самом общем смысле) чего-то, что это имя, предположительно, вводит, обозначает или т.п.

Список литературы

- Грайс, Стросон, 2012 – *Грайс П., Стросон П.* В защиту догмы / Пер. с англ. В. Долгоруков // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXII. № 2. С. 206–223.
- Куайн, 1999 – *Куайн У.В.О.* О том, что есть / Пер. с англ. А. Черняк // *Куайн У.В.О.* Слово и объект. М.: Праксис, 1999. С. 325–341.
- Черняк, 2024 – *Черняк А.З.* Размышления об именах и референциях. (В печати)

²³ Согласно Фреге, смыслы представляют денотаты и в этом отношении, можно сказать, предполагают их наличие. Однако даже Фреге не настаивал на том, что все осмысленные выражения имеют денотаты. Понимая сказанное, мы можем понять, к чему в реальности оно может относиться: в этом смысле смысл сказанного представляет денотат (как возможность); но из этого не следует, что он связывает выражение с чем-то, являющимся его денотатом.

References

- Grice, P., Strawson, P. "V zaschitu dogmyi" [In Defence of Dogma], trans. by V. Dolgorukov, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2012, vol. XXXII, no. 2, pp. 206–223. (Trans. into Russian)
- Quine, W.V.O. "O tom, chto est'" [On What There Is], in: W.V.O. Quine. *Slovo i object* [Word and Object]. Moscow: Praxis, 1999, pp. 325–341. (In Russian)
- Chernyak, A. *Razmyishleniya ob imenach i referenziyach* [Meditations over Names and References] (in print). (In Russian)
- Ayer, 1946 – Ayer, A. *Language, Truth, and Logic*. London: Gollancz, 1946, 124 p.
- Heim, 1982 – Heim, I. *The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases*. Ph.D. thesis, University of Massachusetts, Amherst, 1982.
- Hirsch, 2002 – Hirsch, E. "Quantifier Variance and Realism", *Philosophical Issues*, 2002, vol. 12, pp. 51–73.
- Carnap, 1928 – Carnap, R. *Scheinprobleme in der Philosophie; das Fremdpsychische und der Realismusstreit*. Berlin, 1928.
- Carnap, 1950 – Carnap, R. "Empiricism, Semantics, and Ontology", *Revue Internationale de Philosophie*, 1950, vol. 11, pp. 208–228.
- Van Inwagen, 1998 – Van Inwagen, P. "Meta-ontology", *Erkenntnis*, 1998, vol. 48, pp. 233–250.
- Kamp, Reyle, 1993 – Kamp, H., Reyle, U. *From Discourse to Logic; Introduction to Model-Theoretic Semantics of Natural Language, Formal Logic and Discourse Representation Theory*. Dordrecht: Kluwer, 1993.
- Kripke, 1973 – Kripke, S. *Reference and Existence: The John Lock Lectures for 1973*. New York: Oxford University Press, 2013.
- Quine, 1983 – Quine, W.V.O. "Ontology and Ideology Revisited", *The Journal of Philosophy*, 1983, vol. 80, no. 9, pp. 499–502.
- Parsons, 1980 – Parsons, T. *Nonexistent Objects*. New Haven, 1980.
- Priest, 2005 – Priest, G. *Towards Non-being: The Logic and Metaphysics of Intentionality*. Oxford University Press, 2005.
- Putnam, 2004 – Putnam, H. *Ethics without Ontology*. Harvard University Press, 2004.
- Ryle, 1949 – Ryle, G. "Meaning and Necessity", *Philosophy*, 1949, vol. 24, pp. 69–76.
- Salmon, 1998 – Salmon, N. "Nonexistence", *Nous*, 1998, vol. 32, no. 3, pp. 277–319.
- Soames, 2007 – Soames, S. "The Quine, Carnap Debate on Ontology and Analyticity", *Soochow Journal of Philosophical Studies*, 2007, no. 16, pp. 17–32.
- Schlick, 1932 – Schlick, M. "Postivismus und Realismus", *Erkenntnis*, 1932, no. 3 (1), pp. 1–31.
- Zalta, 1983 – Zalta, E. *Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics*. Dordrecht: D. Reidel, 1983, 193 p.
- Zalta, online – Zalta, E. "The Theory of Abstract Objects" [<http://mally.stanford.edu/theory.html>, accessed on 10.12.2023].